

© 2007 г. П. В. ГРАЩЕНКОВ

ТИПОЛОГИЯ ПОСЕССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ*

В работе исследуется типология именной посессивности в языках мира. Рассматривается аналитическое, зависимостное, вершинное и вершинно-зависимостное маркирование, случаи согласования посессора с обладаемым. Выделяется особый тип посессивной зависимости, «слабый генитив». Не претендуя на полноту выборки, мы, однако, формулируем некоторые наблюдения над внутренним морфосинтаксисом посессивных именных словосочетаний, сделанные на основании рассмотренного нами материала.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема посессивности неоднократно освещалась в работах отечественных ученых, причем в фокусе внимания исследователей была, как правило, семантика посессивности. Так, в [Селиверстова 2004] отмечено, что существует два понимания термина «посессивность» – «широкое» и «узкое». В соответствии с первым, посессивность подразумевает собственно принадлежность, в соответствии со вторым – более широкий спектр отношений между объектами, в частности – отношения между предметом и характеризующим его признаком, ср., например, английское *man of power*, фр. *diable d'enfant* (примеры мои. – Г.П.).

О.Н. Селиверстова, как и Е.М. Вольф в [Вольф 1974; 1987], склоняется к широкому пониманию посессивности, в пользу которого приводит следующие аргументы: многие языки используют одни и те же формальные средства для выражения всего спектра отношений, стоящих за посессивностью; все эти отношения не выводятся одно из другого, но в то же время, как полагает Селиверстова, могут быть сведены к некоторому общему «семантическому примитиву».

Широкой трактовки посессивности придерживается и А.В. Бондарко: «Посессивность как семантическая категория представляет собой языковую интерпретацию широкого круга отношений обладания, принадлежности, включая соотношение части и целого» [Бондарко 1996: 99]. Похожий подход развит и при анализе семантической типологии посессивности в [Чинчлей 1990].

Основной темой приведенных выше исследований являлась семантика предикативной посессивности, которая в русском языке наиболее часто кодируется предлогом *у* (*У Пети новая машина*). Конструкции с данным предлогом получили широкое освещение. Так, согласно [Iordanskaja, Mel'čuk 1995], предложная конструкция с *у* представляет собой фокусную структуру, выражающую посессивные отношения, в той или иной степени связанные с аргументной структурой главной предикации. Утверждается, что *у* + ИГ кодирует не просто посессивность, а неотчуждаемую принадлежность (относительно неотчуждаемой принадлежности см. также [Журинская 1977; Fox 1981; Dahl,

* Я хотел бы поблагодарить Александра Евгеньевича Кибрика, под чьим руководством я написал свою первую работу про генитив; Марию Копчевскую-Тамм, которая любезно представила мне большое количество своих работ по типологии посессивных конструкций; а также Якова Георгиевича Тестельца, Юру Ландера и Мишу Даниэля за многочисленные ценные замечания и наблюдения.

Кортъевскаја-Тамм 1998; Кортъевскаја-Тамм 2003а]). Как нам кажется, однако, данная конструкция не ограничена неотчуждаемой принадлежностью, например, в предложении *Зимой у нас (на улице) страшная грязь* данная конструкция задает не посессор, а, скорее, – локализацию.

В [Paducheva 2004] конструкции с посессивным у рассматриваются как один из случаев диатезного преобразования, например: *Сын Маши Смит пошел в школу / У Маши Смит сын пошел в школу*. Е.В. Падучева при этом считает, что за употреблением генитива / у-конструкции стоит выражение автономной vs. зависимой референции обладаемого (соответственно). Подобные расщепленные конструкции обсуждаются и в других работах ведущих отечественных исследователей, см., например [Апресян 1974; Кибрик 2000].

Как можно видеть, круг проблем, обсуждаемых в связи с посессивностью, чрезвычайно велик. Он включает в себя исследование семантики посессивных отношений, проблемы отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности, связи посессивности и определенности, проблемы структуры посессивных предикаций, сходства кодирования посессора и главных участников предикации (в частности, падежный синкретизм)¹, подъема посессора, типологии адъективного vs. определительного генитива² и т. д.

В данной работе мы сосредоточимся лишь на одном из аспектов посессивности, а именно, – на формальных средствах кодирования приименной принадлежности в языках мира. Такое сужение темы предпринято лишь с одной целью – сделать цели исследования реалистичными, так как без подобного рода ограничений на описание связанных с посессивностью языковых явлений ушел бы не один год.

Средства, которые выбирает язык для кодирования отношений принадлежности в именной группе, мы будем называть Маркером Посессивности (МП), который понимается нами как наиболее стандартный способ выражения ядерного значения посессивности – неотчуждаемой принадлежности (отношения: часть-целое, термины родства) и обладания³ *Петина рука, сестра друга, дом отца*. Периферийные посессивные значения (например, *портрет поэта, стакан воды, падение Рима, ...*), равно как и альтернативные способы кодирования принадлежности (например, аблативное, дативное и другие типы маркирования, основной функцией которых не является выражение принадлежности) нами рассматриваться не будут.

Основная задача данной работы состоит в исчислении морфосинтаксических способов кодирования посессивных отношений в именной группе (далее – ИГ) и иллюстрации каждого способа примерами из естественного языка (рассматриваются примеры 70 языков). Таким образом, нами будут рассмотрены следующие типы кодирования посессивных отношений: аналитическое, зависимостное, вершинное и вершинно-зависимостное маркирование. Все маркеры посессивности будут ниже обозначены как МП.

Кроме того, будут описаны некоторые более «экзотические» случаи кодирования принадлежности в ИГ: примеры согласуемого посессора, а также особо выделяемый нами тип «слабого генитива». Мы также постараемся сформулировать некоторые наблю-

¹ Данная проблема, которая сама по себе достойна стать темой диссертации, почему-то пока не привлекла должного внимания типологов (см., прежде всего [Seiler 1983; Heine 1997]). Однако даже без особого углубления в проблематику можно отметить следующие интересные вопросы: почему в случае совпадения кодирования посессора и главного актанта предикации в языках эргативного строя посессор всегда совпадает с эргативом (и никогда с абсолютивом), а в аккумулятивных языках – с аккумулятивом (но не с номинативом, единственное исключение – венгерский)? И более широко: почему в эргативных языках имеет место параллелизм посессора и эргатива (например, общая парадигма лично-числового согласования в абхазо-адыгских, лакском языках, а также языках майя и т.п.), а в аккумулятивных – посессора и аккумулятива (одушевленный генитив в славянских и осетинском, совпадение падежей в эстонском, ...)?

² См. по этому вопросу [Lyons 1986; Plank 1992; Кортъевскаја-Тамм 2003б].

³ Английский термин – «legal ownership».

дения над внутренними свойствами посессивных ИГ в связи с порядком слов в них и их лексическим составом.

Необходимость подобного рода исследования продиктована следующими причинами. Во-первых, сколь это ни парадоксально, но «обзорных» типологических работ по посессивности, т.е. работ, посвященных морфосинтаксической типологии посессивности в языках мира (а не в нескольких генетически/ареально связанных языках), в действительности не так много. Из основных здесь можно перечислить [Ultan 1978; Fox 1981; Seiler 1983; Plank 1992; 1995; Koptjevskaja-Tamm 2001; 2003b]. В то же время, очертить типологическое пространство возможностей, используемое естественным языком при кодировании посессивных отношений, нам представляется задачей достаточно важной.

Кроме того, как нам кажется, полезно рассмотреть и сравнить накопившийся у типологов материал без использования таких ярлыков как «изафетная конструкция», «категория состояния» и т.п. Действительно, часто подобные наименования порождают путаницу, так как одни и те же явления в разных языках получают различные ярлыки. Никто почему-то не говорит, допустим, про финский изафет, но говорят про изафет в тюркских языках, хотя и в финском, и в тюркских языках используется схожая вершинно-зависимостная стратегия кодирования посессивности. Также говорится, например, о «связанном» состоянии в иврите, но не в кабардино-черкесском, хотя свойства неоформленного посессора в этих двух языках частично совпадают⁴.

Насколько нам известно, не зарегистрировано такого языка, в котором отношения принадлежности выражались бы при помощи простой предикации и не могли бы быть выражены в именной группе. Таким образом, ИГ каждого естественного языка способна предоставить пример особого кодирования посессивности. Очевидно, что проанализировать материал нескольких тысяч языков – задача практически невыполнимая, поэтому данное исследование не претендует на полноту выборки и абсолютность устанавливаемых в нем закономерностей. Скорее, его цель – установить типологические тенденции и выявить некоторые общие закономерности, наблюдаемые при кодировании отношений принадлежности.

Далее, сделаем еще одно уточнение относительно объекта исследования. Нас будут интересовать прежде всего способы выражения посессивных отношений в таких конструкциях, где и посессор, и обладаемое выражены полными ИГ. Конструкции, в которых посессор выражен местоимениями или (только) притяжательными аффиксами, будут обсуждаться в основном в связи с кодированием посессивности полных ИГ.

Работа организована следующим образом: в первой части нами рассматривается формальный инвентарь средств кодирования посессивности, разбираются случаи зависимостного (предложно-последложного, клитического, морфологического маркирования), вершинного и вершинно-зависимостного маркирования, случаи согласования посессора с обладаемым. Вторая часть работы посвящена наблюдениям над некоторым особым типом посессивных ИГ, имеющимся в языках мира («слабый генитив»), а также короткому исследованию связи порядка слов и внутренней структуры/семантики ИГ с посессором.

1. ФОРМАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

1.1. Аналитическое кодирование посессивности

Данный тип кодирования посессивных отношений предполагает простое соположение вершины (обладаемого) и зависимого (посессора). Направление отношений посессивности определяется, таким образом, порядком слов. Аналитический способ согласно [Ultan 1978] является одним из наиболее частотных. В выборке Ультана, состоящей из 75 языков, данную стратегию (как правило, наряду с другой или другими стратегиями)

⁴ Например, между таким посессором и вершиной не может располагаться определений.

используют 22 языка. Большинство из них, однако, совмещает аналитический способ кодирования с каким-нибудь другим.

Кроме того, в данных Ультана, скорее всего, содержатся ошибки. Так, у него указано, что языками, располагающими данной стратегией оформления посессивности, являются амхарский и полинезийские. Согласно нашим данным, это неверно: амхарский язык использует префиксальные МП, а полинезийские – предлоги *o* и *a*, задающие, соответственно неотчуждаемую и отчуждаемую принадлежность (см. ниже).

К языкам, использующим исключительно аналитический способ, относится, например, йоруба:

(1) йоруба [Яковлева 1963]

- a. íwè baba
 книга отец
 книга отца
- b. iran awon omo oduduwa
 потомок P1 ребенок Одудува
 потомки детей Одудувы

Часто немаркированное выражение посессора развивается из маркированного, имевшего место на более ранней стадии, ср. в креольских языках⁵:

(2) креольский французский (Сент Люсия) [Heine 1997]

- ō lat̃se košō
Indef свинья хвост
 хвост свиньи

Как утверждает в [Heine 1997], немаркированная конструкция часто развивается из маркированных вариантов оформления посессивной зависимости благодаря опущению (сначала факультативному, затем обязательному) формальных показателей синтаксической связи. Данный процесс чаще всего затрагивает зону неотчуждаемой посессивности, оставляя при этом для отчуждаемого посессора исходное, то есть более маркированное кодирование.

Среди языков, совмещающих аналитическое кодирование посессивности с другими способами, можно упомянуть абхазо-адыгские, тибето-бирманские, тунгусо-маньчжурские, некоторые тюркские (например, кыргызский и карачаево-балкарский), финно-угорские, семитские, западно-африканские, дравидийские, австронезийские, некоторые индейские и многие другие⁶. Приведем примеры:

(3) кабардино-черкесский

- ade wəpe
отец дом
 дом отца

(4) бирманский [Мазо 1978]

- thi³ jou³
зонтик ручка
 ручка зонтика

⁵ Ср. в связи с этим употребление немаркированных посессивных конструкций в так называемом Black American English: *my mamma house* «дом моей мамы».

⁶ По справедливому замечанию рецензента, аппотизивные конструкции маргинально представлены также и в русском, ср.: *туфли Югославия, духи Франция* (примеры анонимного рецензента статьи).

(5) маньчжурский [Аврорин 2000]

tasxa	b'a
тигр	месяц
<i>месяц тигра</i>	

(6) кыргызский

adam	dene
человек	тело
<i>человеческое тело</i>	

(7) коми (А. Леонтьев, устное сообщение)

kyf	kor-jas
береза	лист-Pl
<i>листья березы</i>	

(8) мальтийский [Koptjevskaja-Tamm 2001]

bin	is-sultân
сын	Def-король
<i>сын короля</i>	

(9) индонезийский [Алиева 1998]

letak	rumah
положение	дом
<i>расположение дома</i>	

(10) дау⁷ [Aikhenvald 2000]

*yãm	dũm
хвост	собака
<i>хвост собаки</i>	

Часто зависимые ИГ в подобных конструкциях теряют свою референциальную самостоятельность, что выражается, в частности, в неспособности получать какое бы то ни было грамматическое маркирование или принимать любые определения, ср. примеры (11)–(12) а и в из карачаево-балкарского:

(11) карачаево-балкарский

a.	*el-le	škol
	село-Pl	школа
b.	el-le	škol-u
	село-Pl	школа-3
<i>сельская школа (= школа/школы нескольких сел)</i>		

(12) карачаево-балкарский

a.	*ullu	el	škol
	большой	село	школа
b.	ullu	el-ni	škol-u
	большой	село-Poss	школа-3
<i>школа большого села</i>			

⁷ Язык дау семьи маку «Daw, Macu family», см. [Aikhenvald 2000]. Маку – одна из малых семей языков индейцев Южной Америки, распространена на побережье Бразилии и Колумбии. Для обозначения отчуждаемой принадлежности используются посессивные классификаторы, см. ниже.

В таких конструкциях посессор не исполняет своих функций референциального «якоря»⁸, более того, он может вовсе не иметь конкретного референта, а скорее апеллировать к некоторым свойствам «обладаемого» (ср. оппозиции генитив vs. прилагательное в русском, *песня матери* vs. *материнская песня*).

Подобное снижение референциального (либо дискурсивного) статуса зависимых имен может и не наблюдаться, ср. примеры из старофранцузского, в которых аппозитивный посессор может быть употреблен вместе с притяжательным местоимением:

(13) старофранцузский [Koptjevskaja-Tamm 2001]

la	bouche	sa	mere
Def:Fem.Sg	рот.Fem	он:Fem.Sg	мать.Fem
<i>rot ego матери</i>			

Типологически аппозитивные конструкции характерны прежде всего для зависимых со значением материала (ср. с примерами выше):

(14) английский

stone wall
каменная стена

(15) кабардино-черкесский

рхе	?ene
дерево	стол
<i>деревянный стол</i>	

(16) бирманский [Мазо 1978]

švej ²	thi ³
золото	зонтик
<i>золотой зонтик</i>	

(17) маньчжурский [Аврорин 2000]

sele	čō
железо	лопата
<i>железная лопата</i>	

(18) коми (А. Леонтьев, устное сообщение)

bumaga	kerob-ys
бумага	коробка-3Sg
<i>бумажная коробка</i>	

Можно сформулировать следующую универсалию: если посессивные отношения в некотором языке могут кодироваться аналитически, значит и отношения материала (скорее всего) тоже будут выражаться в данном языке при помощи аппозитивной конструкции.

Единственное известное нам исключение – мальтийский, в нем отношение ‘материал’ выражается предлогом (см. ниже), в то время, как отношение неотчуждаемой принадлежности – немаркированной конструкцией:

(19) мальтийский [Koptjevskaja-Tamm 2005]

(ic-)curkett	ta-d-deheb
(Def-)кольцо	из-Def-золото
<i>золотое кольцо</i>	

⁸ «Anchoring relations» или «reference point», см. [Koptjevskaja-Tamm 2001; 2005] и ссылки в них.

1.2. Зависимостное маркирование: предлоги, послелоги, клитики

В работе Ультана зависимостное маркирование, которое не дифференцируется как предложное/послеложное/клитическое/аффиксальное, названо наиболее распространенным типологически средством кодирования посессивности. Обсуждая способы морфологического кодирования синтаксических и семантических отношений, невозможно обойти одну из ключевых проблем морфологии – проблему отличия предлогов и послелогов от клитик, а последних – от аффиксов.

Традиционно принято считать, что пред(после)лог имеет жесткую позицию до (в конце) именной группы, в то время как клитика может «дрейфовать» по той составляющей, которую (или элемент которой) она оформляет. У клитик обычно более широкая дистрибуция, они могут повторяться в составе одной и той же ИГ, не принимают ударения.

Очевидно, что провести четкую границу между пред(после)логами и клитиками в типологических исследованиях так же невозможно, как и границу между клитиками и аффиксами. Ниже мы будем полагаться в основном на терминологию, избранную самими авторами цитируемых грамматик.

Кодирование посессивных отношений предлогами распространено в романских и германских языках:

(20) испанский

el	estómago	de	los	niños
Def	желудок	Poss	Def.Pl	дети
<i>желудок детей</i>				

(21) датский

smag-en	af	mælk
вкус-Def	Poss	молоко
<i>вкус молока</i>		

К предложной стратегии (от праславянской падежной) перешел болгарский язык:

(22) болгарский

- a. лъх на пролетта́
 дыхание Poss весна
 дыхание весны [Маслов 2005: 80]
- b. вкус(-ът) на мляко
 вкус(-Def) Poss молоко
 вкус молока

Предлогами кодируются отношения принадлежности в одном из языков чадской группы, гуде:

(23) гуде [Malchukov 2000]

minä	nga	Musa
жена	Poss	Муса
<i>жена Мусы</i>		

В иврите и арабском, наряду с так называемым «status constructus» или связанным состоянием (см. (50)–(51) ниже), также имеет место предложная посессивная группа («свободное состояние»):

(24) иврит [Shlonsky 2004]

ha-diga	šel	ha-sar
Def-помещение	Poss	Def-министр
<i>апартаменты министра</i>		

(25) арабский [Shlonsky 2004]

d-dar		dya	l-wazir
Def-помещение		Poss	Def-министр
<i>апартаменты министра</i>			

В самоанском языке (как и в других полинезийских) предлог *o* кодирует неотчуждаемую принадлежность, *a* – отчуждаемую:

(26) самоанский [Аракин 1973]

a.	le	to'alua	o	le	tuale'ale'a
	Def	жена	Poss	Def	юноша
	<i>жена молодого человека</i>				
b.	le	solofanua	a	le	faia'oga
	Def	лошадь	Poss	Def	учитель
	<i>лошадь учителя</i>				

Тагальский использует предлог *ni* для посессоров, выраженных личными именами, и предлог *ng* для остальных посессоров (а также для кодирования прямого объекта):

(27) тагальский [Ultan 1978]

a.	kaibigan	ni	arthur
	друг	Poss.Pers	Артур
	<i>друг Артура</i>		
b.	bata	ng	dalaga
	ребенок	Poss	девушка
	<i>ребенок девушки</i>		

В малайском, если верить [Ultan 1978] и указанным там источникам, предлогом кодируется неотчуждаемая принадлежность (а именно, – термины родства; отчуждаемая выражается немаркированно):

(28) малайский [Ultan 1978]

bara	oléh	perempuan	itu
отец	Poss	женщина	эта
<i>отец этой женщины</i>			

Проблема морфологического статуса показателя посессивности особенно остро встает в случае послелогов/энклитик/падежных аффиксов. Послеложными обычно считаются показатели посессивности в японском и китайском, а также в индийских языках.

Японские падежные частицы присоединяются к крайнему левому члену ИГ, которым обычно является вершинное существительное. Посессивное *no* ведет себя так же, как и показатели других падежей (номинатива, аккузатива и датива):

(29) японский

tomodachi	no	tegami
друг	Poss	письмо
<i>письмо друга</i>		

Однако показатель *no* имеет ряд «странных» для стандартного МП свойств: он может сочетаться не только с именами (или, вернее, ИГ), а и с некоторыми прилагательными и классификаторами. Более того, в случае наличия у ИГ послелога, *no* может располагаться между ним и вершиной:

(30) японский

tomodachi	kara	no	tegami
друг	от	Poss	письмо
<i>письмо от друга</i>			

Очевидно, что данный грамматический элемент трудно отнести как к послелогам, так и к аффиксам, что и повлекло за собой употребление термина «падежная частица».

Что касается китайского *de* и его вариантов, то данный показатель маркирует все типы приименной зависимости и является, таким образом, «слабым генитивом» в нашей терминологии (см. ниже):

(31) хоккиен⁹ [Koptjevskaja-Tamm 2001]

a.	ah	beN	e	pheNko
	Ах	Бенг	Poss	яблоко
	<i>яблоко Ах Бенга</i>			
b.	aN		e	pheNko
	красный		Poss	яблоко
	<i>красное яблоко</i>			
c.	ci		e	pheNko
	это		Poss	яблоко
	<i>это яблоко</i>			
d.	si		e	pheNko
	четыре		Poss	яблоко
	<i>четыре яблока</i>			
e.	tu?	tieN	e	pheNko
	стол	верх	Poss	яблоко
	<i>яблоко наверху стола</i>			
f.	ah	beN	bue	e
	Ах	Бенг	купить	Poss
	<i>яблоко, купленное Ах Бенгом</i>			

Очевидно, что китайское *de* не является аффиксом (так как китайский язык изолирующий), но отличить пред- или послелог (в китайском представлены как те, так и другие) от клитики практически не представляется возможным.

Наиболее «чистый», по крайней мере, из всех перечисленных выше пример посессивного послелога мы находим в хинди, однако и этот язык, как и другие индийские, совмещает послеложную стратегию с согласовательной, так как посессивный послелог в хинди всегда выражает род вершины:

(32) хинди

doodh	ka	swaad
молоко	Poss.Masc	вкус.Masc
<i>вкус молока</i>		

Бирманский посессивный показатель *-i¹* определяется в [Мазо 1978] как послелог по следующим причинам: он, как и показатели числа (и некоторые другие грамматические показатели), присоединяется к последнему элементу группы (причем, не обязательно именной) и может располагаться как перед, так и после других служебных слов. В то же время, по мнению автора, главным словом в такой «послеложной» группе является существительное:

(33) бирманский [Мазо 1978]

thi ³ -i ¹	jou ³
зонтик-Poss	ручка
<i>ручка зонтика</i>	

⁹ Hokkien – один из диалектов современного китайского языка, распространен на Сингапуре.

Отметим, что близкими свойствами обладает и так называемый «саксонский генитив». Так, английское посессивное 's также является групповой флексией: оно присоединяется к ИГ справа и может маркировать сочиненные ИГ:

(34) английский

[Mary and John]'s child

ребенок Мэри и Джона

Хорошим кандидатом на выражение посессивных отношений при помощи клитик является баскский. Падежные морфемы в баскском языке, хотя их и принято считать аффиксами, больше напоминают именно клитики: они агглютинативно присоединяются к крайнему правому элементу в именной группе:

(35) баскский

neska gazte-a-ren edertasuna

девушка молодая-Def-Poss красота

красота молодой девушки

Похожим образом обстоит дело и в одном из языков паноанской семьи, капанауа – зависимое в посессивной конструкции кодирует показатель -n, прикрепляющийся к крайнему правому элементу ИГ:

(36) капанауа [Loos 1969]

a. ?amii-n ta?ii

капибара-Poss след

след капибары

b. ?amii hošini-n ta?ii

капибара красный-Poss след

след красной капибары

1.3. Аффиксальное маркирование зависимой ИГ

Среди посессивных конструкций данного типа типологически безусловно преобладает суффиксальное маркирование. Префиксальный МП обнаруживается, например, в малагасийском языке:

(37) малагасийский [Keenan, Ralalaoheryony 2000]

zana d-rabe

ребенок Poss-Рабе

ребенок Рабе

Амхарский язык располагает префиксальным МП с широкой синтаксической дистрибуцией: «определением с префиксом уе- может быть любое слово или группа слов, в том числе и предложение» [Титов 1991: 258]:

(38) амхарский [Титов 1991]

уе-ləḡ karot

Poss-ребенок пальто

пальто ребенка

Наряду с данной техникой используется также маркирование вершины лично-числовыми показателями принадлежности (синонимичными показателями определенности¹⁰).

¹⁰ Типологически синонимия лично-числовых показателей и маркеров определенности достаточно распространена, ср., например, индонезийские языки.

При наличии МП, однако, префикс 3 л. не используется. Кроме того, амхарский посессивный префикс снимается в контексте предложной группы, оба члена посессивной конструкции остаются немаркированными (что, очевидно, вынудило Ультана говорить об аппозитивной конструкции в амхарском).

Суффиксальное кодирование – один из наиболее частых способов оформления посессивной зависимости. Оно встречается в дагестанских, славянских, балтийских, финно-угорских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, дравидийских, а также в кечуа и других индейских языках. Приведем некоторые примеры:

(39) чешский

matka	mladé	dívky
мать.Fem.Nom	молодой.Fem.Poss	девушка.Fem.Poss
<i>мать молодой девушки</i>		

(40) монгольский

suu-nij	amt
молоко-Poss	вкус
<i>вкус молока</i>	

(41) маньчжурский [Аврорин 2000]

ama-i	bō
отец-Poss	дом
<i>дом отца</i>	

(42) тамильский

ogu	orang-in	allavu
один	апельсин-Poss	размер
<i>величина (одного) апельсина</i>		

(43) имбабура кечуа

José-paj	wasi
Хосе-Poss	дом
<i>дом Хосе</i>	

В финском языке лексически выраженный посессор всегда маркируется только показателем генитива, в то время, как местоименный посессор – генитивом и аффиксом принадлежности на вершине:

(44) финский [Toivonen 2000]

a.	poja-n	ystävä(-*nsä)
	мальчик-Poss	друг(-3Px)
	<i>друг мальчика</i>	
b.	hän-e-n	ystävä*(-nsä)
	он-Poss	друг(-3Px)
	<i>его/ее друг</i>	

1.4. Вершинное и вершинно-зависимостное маркирование – согласование вершины с посессором

Вершинное и вершинно-зависимостное маркирование посессивных ИГ также весьма широко распространено типологически. В большинстве случаев маркирование обладаемого в подобных ИГ связано с наличием в языке именной категории принадлежности.

Существуют три логические возможности кодирования вершины: вершинное имя при посессоре кодируется теми же средствами, что и при других приименных зависи-

мых; вершинное имя кодируется специальными показателями, не совпадающими с личными притяжательными аффиксами; наконец, обладаемое может кодироваться лично-числовыми показателями принадлежности. Случаев второго типа нам обнаружить не удалось.

Ниже будут разобраны примеры вершинного маркирования, а затем – случаи двойного, вершинно-зависимостного маркирования.

Пример неспецифицированного вершинного маркирования посессивности предоставляют нам иранские языки¹¹. В них появление справа от вершины любого примененного зависимого имплицитно маркирует маркирование вершины изафетным показателем:

(45) персидский [Мельчук 1998]

- a. mej-e sorx
 вино-Ez красный
 красное вино
- b. mej-e daneSDu
 вино-Ez студент
 вино студента

Приведем примеры вершинного маркирования обладаемого. Так, в языке эве (кванигеро-конголезские) употребление посессора может сопровождаться появлением местоимения 3 л.:

(46) эве [Ultan 1978]

lā	wó	afə
зверь	его	нога
<i>лапа зверя</i>		

Ситуация в индонезийском напоминает эве с той лишь разницей, что там употребление энклитического показателя 3 л. -*nya* обязательно:

(47) индонезийский [Алиева 1998]

letak-nya	rumah
положение-3	дом
<i>расположение дома</i>	

Клитические посессивные лично-числовые показатели маркируют согласование зависимого с вершиной в языках майя. Как видно из (48), употребление полных ИГ и местоимений в функции посессора отличается – при местоимениях, которые сами по себе факультативны, вершина обязательно маркируется еще и суффиксальными лично-числовыми показателями, которые не используются при лексических зависимых:

(48) юкатекский майя

- a. u k'àaba' le x-ch'up-pàal-a'
 Poss.3 имя Def Fem-женщина-ребенок-D1
 имя этой девочки
- b. a k'àaba'-e'x (te'x)
 Poss.2 имя-2Pl (вы)
 ваши имя

(здесь артикль определяет посессор, D1 – дейктический показатель, обозначающий наиболее близкого к говорящему участника [Lehman 2003])

¹¹ Описанный ниже способ маркирования приименной зависимости характерен в основном для западно-иранских языков: различных вариантов персидского, курдского, таджикского и т.д.

Кроме пост- и префиксальных клитических показателей вершина может маркироваться, например, циркумфиксом, как это имеет место в языке алси:

(49) алси [Buckley 1989]

a-s	xámni	c-łaqúsin-k
этот-Def	кит	Poss.3-кожа-Poss.3
<i>кожа этого кита</i>		

В семитских языках вершинное имя выступает в особой «сопряженной» форме при наличии посессивного зависимого (немаркированного в иврите и генитивного в арабском). В данной форме оно не может принимать префиксального артикля (а также отличается некоторыми другими свойствами, см. (97)):

(50) иврит [Danon 1996]

beyt	ha-mora
учитель	Def-дом
<i>дом учителя</i>	

(51) арабский

umm-u	-l-bint-i
мать-Nom	Def-девушка-Poss
<i>мать девушки</i>	

Случаи двойного, вершинно-зависимостного маркирования также чрезвычайно распространены, оно встречается в абхазо-адыгских, тюркских, финно-угорских, эскимосско-алеутских языках, лезгинских языках Дагестана и многих других.

В алеутском языке имеет место «частичное» вершинно-зависимостное маркирование: в единственном числе посессор принимает окончание, кумулятивно выражающее так называемый «относительный» падеж и единственное число, в то время как множественное число по падежу не маркировано:

(52) алеутский [Malchukov 2000]

a.	hla-m	ukina-a
	мальчик-Rel.Sg	knife-3Sg
	<i>нож мальчика</i>	
b.	hla-m	ukina-ngis
	мальчик-Rel.Sg	нож-3Pl
	<i>ножи мальчика</i>	
c.	hla-s	ukina-a
	мальчик-Pl	нож-3Sg
	<i>нож мальчиков</i>	
d.	hla-s	ukina-ngis
	мальчик-Pl	нож-3Pl
	<i>ножи мальчиков</i>	

Примечательно, что «относительный» падеж используется не только при обозначении посессивных отношений, но и для выражения других типов приименной зависимости. Так, он употребляется и в случае наличия у имени зависимых прилагательных. Однако в данном случае падежным показателем маркируется расположенная слева (как и посессор) «вершина» ИГ. Столь нестандартное кодирование синтаксической зависимости связано с частеречным статусом прилагательных, которые в данном языке почти не отличаются от имен и являются столь же полноправной вершиной именной группы, как и существительные:

(53) алеутский [Malchukov 2000]

ula-m	tagada-a
дом-Rel.Sg	новый-3Sg
<i>новый дом</i>	

В адыгейском языке посессор принимает тот же падеж, что и агенс переходных глаголов (то есть эргатив), а вершина посессивной конструкции маркируется показателем 3 л.:

(54) адыгейский (Ю. Ландер, устное сообщение)

č'elejevaže-m	ə-š _w əz
учитель-Erg	3-жена
<i>жена учителя</i>	

В одних языках, как например, в тюркских, обладаемое обязательно должно быть маркировано лично-числовым показателем при наличии зависимых, в других, например, в некоторых финно-угорских, такое маркирование факультативно:

(55) чувашский

aläk-än	xälär*(-e)
дверь-Poss	ручка-3
<i>ручка двери</i>	

(56) коми (А. Леонтьев, устное сообщение)

gajon-len	glava(-ys)
район-Poss	глава-3Sg
<i>глава района</i>	

Весьма сложная стратегия кодирования посессивности в языке масаи. Во-первых, зависимая ИГ маркируется тем же падежом, что и прямой объект¹². Во-вторых, первая часть клитического согласовательного показателя, /, отражает род вершины. Наконец, вторая часть клитики, -aá, согласуется с посессором в лице, числе и падеже:

(57) масаи [Koorman 2005]

oldià	l	-aá	(i)lay-ó`k
собака	Def.Masc	Pl.Acc	мальчик-Pl.Acc
<i>собака мальчиков</i>			

1.5. Согласуемый посессор

В данном пункте мы обсудим такие посессивные конструкции, в которых определенные грамматические характеристики обладаемого должны быть продублированы либо на посессоре, либо на других элементах, оформляющих синтаксическую зависимость в ИГ. Сначала будут разобраны случаи копирования посессором падежа, затем согласование в падеже, числе и роде, после чего мы обсудим случаи маркирования рода/класса обладаемого на посессивной ИГ, в частности, так называемые языки с посессивными классификаторами.

Копирование падежа вершины может быть реализовано одним из трех способов: (i) зависимая ИГ кроме маркера посессивной связи (МП) присоединяет еще один, «внешний» падежный показатель; (ii) «внешний» падеж замещает МП; (iii) посессивная

¹² В примере ниже сохранен оригинальный глоссинг автора, таким образом, Acc = Poss.

морфема имеет разные реализации в зависимости от падежа (числа, рода) вершины именной группы. Рассмотрим подробнее примеры каждой из стратегий.

Во многих австралийских языках распространено двойное падежное маркирование зависимых в ИГ: кроме оформляющего применную зависимость МП, зависимое существительное маркируется также падежом, который получает вся ИГ в целом. В языке гумбайнгир двойное падежное маркирование наблюдается только с грамматическими падежами (однако в других австралийских языках оно распространяется и на семантические падежи):

(58) гумбайнгир [Malouf 2000]

ba:ba-gu	gunu-y-gundi-yu	ju:ngu
отец-Erg	ребенок-Poss-Erg	скажет
jala:ny	jamay	barway.
язык-Abs	слишком	большой-Abs

Отец ребенка скажет: «Твой рот слишком большой».

Двойное маркирование, впрочем, не является уникальной особенностью генитивных зависимых. Кроме генитива оно распространяется и на другие применные падежи, проприетив (= комитатив), приватив (= каритив) и проч., а часто двойное (а иногда и тройное) маркирование получают ИГ зависимых клауз:

(59) панийима [Dench, Evans 1988]

Ngatha	pilanyjayi-nha	nyinku	mirta-yu	
я.Nom	испугаться-Pst	2Sg.Acc	не-Acc	
ra-ka-mu-ku		ngalimpa-tharntu-karta-ku	yurlu-karta-ku.	
приходить-Rel-Acc		1Du-Poss-All-Acc	лагерь-All-Acc	

Я испугался, что ты не пришел в наш лагерь.

Я испугался, что ты не пришел в наш лагерь.

В древнегрузинском постпозитивный посессор кроме собственных показателей падежа и числа присоединял также падежные и числовые показатели вершины:

(60) древнегрузинский [Plank 1995]

- a. gwam-isa krist-es-isa
тело-Poss Христос-Poss-Poss
тела Христа
- b. c̣q'oba-sa mt'er-ta-sa
атака-Dat враг-Poss.Pl-Dat
атаке врагов
- c. c̣inamsrbol-n-i lašk'ar-ta-n-i
идуший.впереди-Pl-Nom армия-Poss.Pl-Pl-Nom
передовые отряды армий

В действительности, не все элементы зависимой ИГ повторяли «внешний» падеж (то есть падеж всей составляющей), а лишь последний ее член, (61a). Падежным показателем вершины (в (61b) – нарративом) оформлялись даже послелогии, вводящие применное зависимое:

(61) древнегрузинский [Harris 2002]

- a. opl-ita p'ir-isa šen-isa-yta
пот-Instr лицо-Poss ты.Sg-Poss-Instr
пóтом лица твоего
- b. morc'mune-ta mat misa mimart-ta
верующий-Pl.Nar Def он.Poss в-Pl.Nar
верующие в него

В древнеармянском языке также наблюдается ассимиляция падежных окончаний вершины и посессивного зависимого. В отличие от рассмотренных выше языков, древнеармянский не допускает выражения двух падежных значений, а прибегает к другой технике – (неотчуждаемый) посессор заменяет исходный генитив падежом своей вершины:

(62) древнеармянский [Plank 1995]

i knoĵ-ê t'agawor-i-n → i knoĵ-ê t'agawor-ē-n
 Прер жена-Abl король-Poss-Def Прер жена-Abl король-Abl-Def
женой короля

Интересен случай корейского языка. Посессор в корейском так же, как и в древнеармянском, может кодироваться не только генитивом, но и при помощи копирования падежного окончания вершины ИГ. Однако, если при копировании номинатива посессор не имеет ограничений на тип посессивных отношений, (63), то в позиции прямого объекта падеж (аккузатив) может дублироваться только при неотчуждаемой принадлежности, ср. (64):

(63) корейский¹³

- a. Swuni-uy catongcha-ka kocangnass-ta.
 Сууни-Poss машина-Nom сломанный-Decl
 b. Swuni-ka catongcha-ka kocangnass-ta.
 Сууни-Nom машина-Nom сломанный-Decl
Машина Сууни сломалась.

(64) корейский

- a. Mary-ka john-uy tali-lul cha-ess-ta.
 Мэри-Nom Джон-Poss нога-Acc бить-Pst-Decl
 b. Mary-ka john-ul tali-lul cha-ess-ta.
 Мэри-Nom Джон-Acc нога-Acc бить-Pst-Decl
Мэри ударила ногу Джона (Джона по ноге).
 c. *John-i ku cibang-ul sakwa-lul cohaŋa-n-ta.
 Джон-Nom этот район-Acc яблоко-Acc любить-Pres-Decl
Джон любит яблоки из этой местности.

Примечательно, что ИГ с негенитивным посессором могут разрываться, более того, посессор (но не обладаемое) может топикализировываться:

(65) корейский

- a. John-ul mary-ka tali-lul cha-ess-ta.
 Джон-Acc Мэри-Nom нога-Acc бить-Pst-Decl
Мэри ударила ногу Джона (Джона по ноге).
 b. John-un mary-ka tali-lul cha-ess-ta
 Джон-Топ Мэри-Nom нога-Acc бить-Pst-Decl
Что касается Джона, то Мэри ударила его ногу.
 c. *tali-nun mary-ka John-ul cha-ess-ta
 нога-Топ Мэри-Nom Джон-Acc бить-Pst-Decl
Что касается ноги, то Мэри ударила Джона (по ней).

Согласование посессора с обладаемым по роду, числу, падежу – достаточно известное явление, ср. русские притяжательные прилагательные *Петин, Петина, Петины, Пе-*

¹³ Все корейские примеры взяты с интернет-страницы Сунчжун Чо, www.guestbook.naver.com/guestbook/guestbook.php?uid=lama071&tid=6&page=2.

тино, ... В цыганском языке генитив также обязательно должен быть согласован с вершиной по трем данным категориям:

(66) цыганский [Koptjevskaja-Tamm 2001]

a.	e	manuš-es-qoro	kher
	Def:Masc.Sg	человек-Sg.Masc-Poss:Masc.Sg.Nom	дом.Masc
		дом человека	
b.	e	manuš-es-qiri	buzni
	Def:Masc.Sg	человек-Sg.Masc-Poss:Fem.Sg.Nom	коза.Fem
		коза человека	

Артикль в (66) относится к зависимому имени, вершинное существительное при наличии посессора артиклем не оформляется.

Албанский посессор принимает МП (совпадающий с дативной, в глоссинге ему соответствует обозначение Obl). В то же время артикль, обычно располагающийся после существительного, в случае неотчуждаемой принадлежности находится в препозиции и согласуется с обладаемым в падеже, числе и роде:

(67) албанский (А.Ю. Русаков, устное сообщение)

a.	djal-i	
	сын-Nom.Sg.Masc.Def	
	i	fshatar-it
	Def = Nom.Sg.Masc	крестьянин-Sg.Masc.Def
	сын крестьянина	
b.	djal-it	
	сын-Sg.Masc.Def	
	të	fshatar-it
	Def = Sg.Masc	крестьянин-Sg.Masc.Def
	сына крестьянина/к сыну крестьянина	
c.	djal-in	
	сын-Acc.Sg.Masc.Def	
	e	fshatar-it
	Def = Acc.Sg.Masc	крестьянин-Sg.Masc.Def
	сына крестьянина	

Чамалинский язык Дагестана также располагает согласуемыми формами генитива (в основном для мужского класса единственного числа). При этом согласуемый генитив скорее будет трактован как референтный, несогласуемый – как нереферентный (см. [Koptjevskaja-Tamm 2005]):

(68) чамалинский [Koptjevskaja-Tamm 2005]

a.	hadamso-i	jela
	человек-Poss.Inan.Sg	рука
	рука человека, человеческая рука	
b.	hadam-L	jela
	человек-Poss	рука
	человеческая рука, рука человека	

В другом андийском языке Дагестана, багвалинском, посессор первого (мужского) класса обязательно отражает классную принадлежность обладаемого, в то время, как посессоры остальных классов – нет:

(69) багвалинский [Кибрик 2001]

a.	ʔali=b	miša
	Али=N	дом
	дом Али	

b.	ila-ṭ i-ṭ	misa
	мать-Obl-Poss	дом
	дом матери	
c.	Xap-i-ṭ	up
	лошадь-Obl-Poss	голова
	голова лошади	

Согласование посессивной группы по роду обладаемого отмечено, например, в индийских языках, где посессивный послелог согласуется с вершиной-обладаемым:

(70)

a. хинди [Чернышев 1965]

pitā	kī	pustak
отец	Poss.Fem	книга.Fem
книга отца		

b. авадхи [Липеровский 1997]

wajīg	kā	larikā
визирь	Poss.Masc	сын.Masc
сын визиря		

Наряду с согласованием в роде обладаемого также хорошо известны случаи так называемых посессивных классификаторов. Основной особенностью таких языков является то, что классификаторы в них используются исключительно для кодирования посессивных отношений.

А.Ю. Айхенвальд (см. [Aikhenvald 2000]) различает следующие типы языков с посессивными классификаторами: языки, использующие классификацию только для отчуждаемой принадлежности; языки, где классификаторы используются независимо от (не)отчуждаемости, и языки, где классификатор характеризует тип посессивной связи между именами (так называемые реляционные классификаторы).

В качестве примера языка первого типа можно привести юто-ацтекский язык панаре:

(71) панаре [Aikhenvald 2000]

y-uku-n	wanē
я-Cl.Liquid-Poss	мед
мой мед (разбавленный водой для питья)	

Второй тип, не ограничивающий посессивные классификаторы лишь отчуждаемой принадлежностью, может быть продемонстрирован на примере языка мба (убандийская ветвь нигеро-конголезской семьи). Данный язык кроме «обычных» показателей именного класса располагает десятью специальными классификаторами для кодирования посессивных отношений (частицы *dà* и *kə* в примерах ниже), передающих тип обладаемого:

(72) мба [Aikhenvald 2000]

a.	bì-gó	Ø-á	dà	ɾɛ
	леопард-Cl.7	Cl.1-Poss	Cl.Animal.Poss	1Sg
	мой леопард			
b.	nzí	má	kə	ði-gò
	кровь	Cl.11-Poss	Cl.Body.Part.Poss	леопард-Cl.7
	кровь леопарда			

Наконец, языком с реляционными классификаторами является, например, кипеа, один из языков семьи же. В данном языке один из двенадцати суффиксальных классификаторов выбирается в зависимости от того, как посессор использует обладаемое:

(73) кипеа [Aikhenvald 2000]

a.	dz-upodó 1Sg-Cl.жареный <i>моя жареная птица</i>	do Poss	sabuka птица
b.	dz-udé 1Sg-Cl.вареный <i>моя вареная птица</i>	do Poss	sabuka птица
c.	dz-ukisí 1Sg-Cl.частичное.обладание <i>птица, частью которой я владел</i>	do Poss	sabuka птица
d.	dz-ubá 1Sg-Cl.полученный.извне <i>птица, подаренная мне</i>	do Poss	sabuka птица

Кроме языков с посессивной классификацией можно выделить также тип языков, в которых классное согласование в посессивной конструкции обязательно, но не ограничивается только данным типом синтаксических отношений. Такие языки похожи на языки с согласованием посессора по роду, с той лишь разницей, что система классов является гораздо более детальной, чем родовая система.

Подобная ситуация имеет место в языках банту. В них посессивность (равно как и атрибутивные отношения) передается специальной посессивно-атрибутивной частицей. Данная частица всегда согласуется с обладаемым в классе:

(74) лингала [Топорова 1994]

a.	ndako 9.дом <i>дом вождя</i>	ya Poss.9	mokinzi 1.вождь
b.	moumbu 1.раб <i>раб вождя</i>	wa Poss.1	mokinzi 1.вождь

Согласно [Aikhenvald 2000], согласование по классу посессора – чрезвычайно редкое явление. Одним из немногочисленных примеров является язык дау. В нем подобно согласование демонстрируют ИГ, задающие отчуждаемую принадлежность. В (75a) dâw – так называемый генерический классификатор, его употребление мотивировано одушевленностью посессора. Собственно посессивный классификатор представлен суффиксами -ěj для одушевленных имен и -dee' – для неодушевленных:

(75) дау [Aikhenvald 2000]

a.	yut одежда <i>одежда дочери</i>	dâw Cl.Human	tog-ěj дочь-Cl.Anim.Poss
b.	yak маниока <i>маниока (из) сада</i>	kaw-wâ'-dee' сад-верх-Cl.Inan.Poss	

В небольшом количестве языков отношения между посессором и обладаемым имеют временную референцию, что может быть продемонстрировано на примере одного из карибских языков, хикскарьяна:

(76) хикскарьяна [Koptjevskaja-Tamm 2001]

a.	ro-kanawa-ri 1Sg-каноз-Pres.Poss <i>мое каноз</i>
----	---

- b. ro-kanawa-tho
1Sg-каноз-Past.Poss
мое бывшее каноз

Аналогичное явление наблюдается в языке сомали, где, согласно [Lecarme 2004], посессивные отношения (так же как и отношения, задаваемые другими определениями) способны иметь временную атрибуцию:

(77) сомали [Lecarme 2004]

[ardáy-d-ay-dii	hore	dhammáan-t-ood]
студент-f-Poss1Sg-F[+past]	прежде	все-F-Poss3P
(waa ilá soo xariiran)		
(общаются со мной)		
<i>все мои бывшие студенты (общаются со мной)</i>		

2. НЕКОТОРЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПОСЕССИВНЫХ ИГ

2.1. «Слабый генитив»

Слабым генитивом мы будем называть особый тип посессивной зависимости, обладающий рядом специфических характеристик. Основное отличие, выделяющее данный тип посессивных зависимых, состоит в то, что маркер посессивных отношений должен иметь широкую семантическую и синтаксическую сочетаемость. Оформление показателями слабого генитива получают в таких языках ИГ с различными типами зависимых: прилагательными, указательными местоимениями, разными семантическими типами ИГ и т.п.

Подобные генитивы обычно могут сочиняться с прилагательными и способны использоваться в качестве присвязочного компонента в предложениях с бытийным сказуемым, хотя обратная импликация и неверна (не всякий генитив, который может сочиняться с прилагательными и употребляется в составе именного сказуемого, слабый).

Установить принадлежность языка к данному типу по обычным грамматическим описаниям обычно достаточно непросто. Можно утверждать, что подобным типом посессивных конструкций располагают следующие языки: амхарский, банту, индийские, китайский (и его диалекты), курдский (и другие западноиранские), тагальский, цахурский, японский.

Так называемый атрибутив, кодирующий посессивность в цахурском, способен выражать также целый ряд других отношений:

(78) цахурский [Кибрик, Тестелец 1999]

a.	adamī-na	dost
	мужчина-Atr	друг
	<i>друг мужа</i>	
b.	saXs-in	paŋč
	глина-Atr	кувшин
	<i>глиняный кувшин</i>	
c.	wiRil-ena	guʒ
	мужчина-Atr	сила
	<i>мужская сила</i>	
d.	Xol-jna	maʃukʹ
	мука-Atr	мешок
	<i>мешок муки</i>	

Более того, показатель атрибутива оформляет относительные предложения, послеложные и косвенно-падежные зависимые в ИГ:

(79) цахурский [Кибрик, Тестелец 1999]

a.	āli	maiktab-biš-ē-qa	a = p' = k'in-ni
	высший	школа-Pl-Iness-All	H.Pl = уходить.Pfct-Atr
	ḡawan-āši-k-e		
	молодой-Pl-Cont-El		
	<i>о молодых, поехавших в высшие учебные заведения (он рассказал)</i>		
b.	gasul-ni	halk'ē-na	maɫʔnī
	Расул-Atr	про-Atr	песня
	<i>песня про Расула</i>		
c.	kitab-ik-a-na	insan	
	книга-Comit-Atr	человек	
	<i>человек с книгой</i>		

Примечательно, что в отличие от посессивных показателей других дагестанских языков, цахурский атрибутив не может оформлять аргументы финитного глагола. Таким образом, атрибутив в цахурском языке является предельно десемантизированным средством кодирования приименной зависимости.

Похожая ситуация имеет место в западноиранских языках. Изафетный показатель, присоединяемый к вершине именной группы при наличии постпозитивных определений, оформляет зависимость прилагательных, посессивных ИГ и предложных групп:

(80) курдский [Strunk 2003]¹⁴

a.	mal-a	sor	
	дом-Ez.Fem.Sg	красный	
	<i>красный дом</i>		
b.	mal-a	vi	mer-e
	дом-Ez.Fem.Sg	этот.Sg.Obl	человек-Sg.Obl
	<i>дом этого человека</i>		
c.	mal-a	sere	çiya
	дом-Ez.Fem.Sg	на	горе
	<i>дом на горе</i>		

Изафетный показатель (Ez) прикрепляется к любому элементу ИГ, правее которого располагаются другие определения, и принимает разные формы в зависимости от рода основы, к которой присоединяется. В случае, если изафетный маркер присоединяется к прилагательному, он выбирает то значение родового признака, которое имеет его (прилагательного) вершина, см. (79).

Порядок слов в курдских ИГ также нефиксирован – лексически выраженный посессор располагается обычно правее прилагательных, но может находиться и перед ними:

(81) курдский [Strunk 2003]

a.	mal-a	riçûk = a	
	дом-Ez.Fem.Sg	маленький = Ez.Fem.Sg	
	bira=yê	min = a	
	брат=Ez.Masc.Sg	я = Ez.Fem.Sg	
b.	mal-a	bira = yê	min = a
	дом-Ez.Fem.Sg	брат = Ez.Masc.Sg	я = Ez.Fem.Sg
	riçûk		
	маленький		
	<i>маленький дом моего брата</i>		

¹⁴ См. также пример (31) из диалекта хоккиен китайского языка.

Варьирует порядок слов и в цахурской посессивной ИГ. Посессор может находиться как до, так и после прилагательных, а также способен выноситься в постпозицию (приобретая в последнем случае обязательную рестриктивную интерпретацию):

(82) цахурский [Кибрик, Тестелец 1999]

a.	jiz-di	dost-una	žag-ara-na	balkan
	я-Atr	друг-Atr	белый-Atr	лошадь
b.	žag-ara-na	jiz-di	dost-una	balkan
	белый-Atr	я-Atr	друг-Atr	лошадь
	<i>белая лошадь моего друга</i>			
c.	žag-ara-na	balkan	jiz-di	dost-una
	белый-Atr	лошадь	я-Atr	друг-Atr
	<i>белая лошадь МОЕГО ДРУГА</i>			

2.2. Порядок слов

В данном пункте мы обсудим возможные вариации порядка слов в посессивных ИГ и постараемся сделать определенные типологические наблюдения, связанные с данным явлением. Сначала мы рассмотрим примеры языков, допускающих пре- и постпозитивное расположение МП, затем обсудим контактность/дистантность МП.

Некоторые языки допускают наряду с базовым порядком слов также вариант с инверсией расположения вершины и зависимого. Этот процесс может быть ограничен, либо не ограничен семантикой посессивной конструкции, и прежде всего, (не)отчуждаемостью.

В бенгальском языке наблюдается так называемая инверсия терминов родства – немаркированная препозиция МП в случае, если вершиной посессивной ИГ является термин родства, может заменяться на постпозицию:

(83) бенгальский [Bhattacharya 1998]

a.	rakhal-er	bhai
	Рахал-Poss	брат
b.	bhai	rakhal-er
	брат	Рахал-Poss
	<i>брат Рахала</i>	

Встречаются случаи, когда один тип маркирования накладывает ограничения на небазовую пре- или постпозицию, а другой нет. Так в оне, одном из языков пама-ньюнга, существуют два типа посессивных конструкций: аппозитивная (84a,b) и с зависимым маркированием (84c,d). Первая конструкция допускает как пре-, так и постпозицию, в то время как вторая – только постпозицию.

(84) оне [Donohue 2000]

a.	imfla	malesia
	муж	Малезия
b.	malesia	imfla
	Малезия	муж
c.	imfla	malesia-enu
	муж	Малезия-Poss
d.	*malesia-enu	imfla
	Малезия-Poss	муж
	<i>муж Малезии</i>	

Как и в случае простой предикации, порядок слов в ИГ может влиять на коммуникативную структуру составляющей. В новогреческом, согласно [Ntelitheos 2004], посессор

обычно располагается после вершины, (85a). Однако, будучи выделен дополнительными просодическими средствами (ударение, интонация), он приобретает дополнительную функцию фокуса контраста, (85c)¹⁵:

(85) новогреческий [Ntelitheos 2004]

- a. to vivlio tis Maria-s
Def книга-Nom Def Мария-Poss
книга Марии
- b. ?tis Maria-s to vivlio
Def Мария-Poss Def книга-Nom
?Марии книга
- c. tis MARIA-S to vivlio (ki ohi tu Kosta)
Def Мария-Poss Def книга-Nom (а не Кости)
МАРИИ книга (а не Кости)

Достаточно регулярно обнаруживается следующее явление: посессор не может употребляться с артиклем/(не)определенным местоимением, относящимися к вершинному имени в том случае, если располагается в своей базовой пре- или постпозиции. При смене порядка слов на обратный данный запрет также снимается.

В языке алси препозитивный посессор не может сочетаться с определенными местоимениями (86a). Однако в случае постпозиции посессора данный запрет нерелевантен:

(86) алси [Buckley 1989]

- a. a-s xamni c-ɬaqúsin-ɬ
этот-Def кит Poss.3-кожа-Poss.3
кожа этого кита
**эта кожа кита*
- b. a=c-məɬa'násti'yu'-ɬ = iɬx a-s ɬəyá'cit
этот=Poss.3-вождь-Poss.3 = Pl этот-Def деревенский.житель
(этот) вождь этих жителей деревни

То же в цыганском: употребление артикля вершины с препозитивным посессором неграмматично, а с постпозитивным – обязательно:

(87) цыганский [Koptjevskaja-Tamm 2003b]

- a. [le ɟav-es-ko] šlemo
Def.Masc.Sg мальчик-Sg.Masc-Poss.Masc.Sg шапка.Masc.Sg.Nom
- b. o slemo
Def.Masc.Sg.Nom шапка.Masc.Sg.Nom
[le ɟav-es-ko]
Def.Masc.Sg мальчик-Sg.Masc-Poss.Masc.Sg
шапка мальчика

Иногда разные средства выражения посессора предписывают различный порядок слов при одной и той же технике кодирования. Так, в индейских языках часто различается порядок слов для лексического посессора и посессора, выраженного вопросительным местоимением. В отомангейском языке сапотек посессор должен располагаться постпозитивно (88a), его препозиция невозможна (88b):

¹⁵ Ср. аналогичное явление в русском: если вся ИГ при фокусном выделении передвигается в абсолютное начало предложения, посессор также легко может перемещаться в начало ИГ: *ВАШЕГО СЫНА работа мне не понравилась* (но ??*Мне не понравилась ВАШЕГО СЫНА работа*).

(88) сапотек [Broadwell 2001]

- a. Juààny cù'á x-pèh'cw màíí.
 Хуан красть Poss-собака Мария
- b. *Juààny cù'á maria x-pèh'cw.
 Хуан красть Мария Poss-собака
Хуан украл собаку Марии.

Однако в том случае, когда посессор попадает в фокус вопроса и выражается вопросительным местоимением, неграмматичной становится уже постпозиция:

(89) сапотек [Broadwell 2001]

- a. ¿ Túú x-pèh'cw cù'á Juààny?
 чей Poss-собака красть Хуан
- b. *¿ X-pèh'cw túú cù'á Juààny?
 Poss-собака чей красть Хуан
Чью собаку украл Хуан?

Аналогичная ситуация наблюдается в языке цоциль (мая):

(90) цоциль [Treichsel 2000]¹⁶

- a. Icham [x-ch'amal li Xune].
 умер 3-ребенок Def Ксун
Ребенок Ксуна умер.
- b. [Buch'u x-ch'amal] icham.
 кто 3-ребенок умер
Чей ребенок умер?

Пре-/постпозитивное расположение может зависеть также от семантики МП. Так, в исландском собственно посессор обычно следует за вершиной, в то время как «качественный генитив»¹⁷, подобно прилагательным, предшествует ей, причем средства кодирования в данном случае не меняются:

(91) исландский [Koptjevskaja-Tamm 2003b]

- a. hús Jon-s
 дом Джон-Poss
дом Джона
- b. mikil-s hátta-r maDur
 великий-Poss поведение-Poss человек
знаменитый человек

Рассмотрим примеры дистантного и контактного употреблений посессивных ИГ. Посессор, будучи «тяжелым» зависимым, то есть обладая способностью неограниченно расширять свою внутреннюю структуру, часто обязан располагаться дистантно с вершиной. Данное правило может быть грамматикализовано, как это имеет место в тюркских языках (см. примеры ниже), а может носить предписывающий характер, ср. при-

¹⁶ Подобные конструкции являются хорошим примером pied-piping'a, постепенного «вытягивания» элементов предложения один за другим в некоторую фокусную вопросительную позицию в начале предложения; в данной главе, однако, нас интересует прежде всего типологическая таксономия посессивных ИГ, поэтому мы оставим конструкции с посессором – вопросительным словом в индейских языках без дальнейшего обсуждения.

¹⁷ Или дескриптивный генитив, в русском представлен многочисленными примерами прилагательное + «имя-параметр»: человек высокого роста, машина красного цвета и т. п.

мер из амхарского языка, где посессор в случае отсутствия у него собственных зависимых может располагаться между прилагательным и вершиной:

(92) амхарский [Титов 1991]

təlləq	ya-bbat	bet
большой	Poss-отец	дом
<i>большой дом отца</i>		

В тюркских языках вершинно-зависимостное маркирование предписывает обязательное дистантное расположение, а просто вершинное – контактное:

(93) татарский

a.	malaj-nʉ	matur	at-ʁ
	мальчик-Poss	красивый	лошадь-
b.	*matur	malaj-nʉ	at-ʁ
	красивый	мальчик-Poss	лошадь-
c.	matur	malaj	at-ʁ
	красивый	мальчик	лошадь-
d.	*malaj	matur	at-ʁ
	мальчик	красивый	лошадь-
	<i>красивая лошадь мальчика</i>		

Иногда при смене контактного расположения на дистантное, претерпевают изменения и средства кодирования. Так, в языке хауса при контактном расположении посессивность кодируется прикрепляемыми к вершине и согласуемыми с ней суффиксальными показателями *-n/-r*. Если у обладаемого появляются другие зависимые, то морфологический показатель *-n/-r* заменяется на клитический *-na/-ta*, который всегда располагается перед группой посессора, «куда бы последняя не перемещалась в предложении» [Щеглов 1970]:

(94) хауса [Щеглов 1970]

a.	waka-r	nasara
	песня.Fem-Poss.Fem	победа
	<i>песнь победы</i>	
b.	jawabin	nan na sarki
	речь.Masc	эта Poss.Masc царь
	<i>эта речь царя</i>	

Часто дистантная/контактная позиция зависит от степени маркированности конструкции. Прежде всего это проявляется в тех языках, где существуют маркированный и немаркированный варианты посессивных конструкций: аппозитивная конструкция всегда должна располагаться контактно, оформленная может (должна) дистанцироваться.

В ненецком языке МП на зависимом может сопровождаться, либо не сопровождаться маркированием вершины показателем третьего лица. В первом случае МП обязательно должен предшествовать определенному местоимению, во втором – следовать за ним:

(95) ненецкий [Nikolaeva forthc.]

a.	tyuku°	wata-h	ti	/	*te-da
	этот	Вата-Poss	олень	/	олень-3Sg
b.	wata-h	tyuku°	te-da	/	*ti
	Вата-Poss	этот	олень-3SG	/	олень
	<i>этот олень Ваты</i>				

Посессивные отношения в румынском языке могут быть выражены либо МП на зависимом имени, (96a), либо МП в сочетании с определенным артиклем (96c). В первом случае дистантное расположение запрещено, см. (96b), во втором допустимо:

(96) румынский [Dobrovie-Sorin 2000]

a.	cartea	profesor-ului	
	книга.Def	учитель-Def.Poss	
	<i>книга учителя</i>		
b.	*cartea	nouă	profesor-ului
	книга.Def	новый	учитель-Def.Poss
c.	cartea	nouă	a profesor-ului
	книга.Def	новый Poss	учитель-Def.Poss
	<i>новая книга учителя</i>		

Похожая ситуация в иврите – посессор в сопряженном состоянии обязательно располагается контактно, а посессор, вводимый предлогом, дистантно:

(97) иврит [Danon 1996]

a.	ha-bayit	ha-yafe	šel	ha-mora
	Def-дом	Def-красивый	Poss	Def-учитель
b.	beyt	ha-mora	ha-yafe	
	house	Def-учитель	Def-красивый	
	<i>красивый дом учителя</i>			

Часто расположение посессора в абсолютном начале/конце ИГ либо между прилагательными и вершиной определяется ее семантическими и референциальными свойствами. Так, например, в латышском примере (94a) генитивное зависимое будет, вероятнее всего, иметь определенное референтное прочтение, в то время как в примере (94b) перед нами, скорее, качественный нереферентный генитив¹⁸:

(98) латышский (С. Сай, устное сообщение)

a.	maz-ās	meiten-es	jaunais	krēsls
	маленький-Poss	девочка-Poss	новый	стул
b.	jaunais	maz-ās	meiten-es	krēsls
	новый	маленький-Poss	девочка-Poss	стул
	<i>новый стул маленькой девочки</i>			

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сформулируем некоторые наиболее существенные наблюдения над посессивными ИГ, сделанные нами на материале рассмотренных языков.

Аналитическое кодирование является одним из наиболее развитых способов кодирования посессивности, часто оно бывает связано с неотчуждаемой принадлежностью или неререферентностью посессора. Если в языке посессивность кодируется аналитически, такое же оформление, скорее всего, ожидается и для значения ‘материал, из которого сделан объект’ (ср., однако, мальтийский).

Зависимостное маркирование. Если сравнивать кодирование посессора предлогами и послелогами, то первых случаев оказывается гораздо больше, чем вторых (отметим, что достаточно «чистых» примеров послеложного кодирования, т.е. случаев фонологически самостоятельных, не копирующих характеристики оформляемой вершины послелогов, нами не встречено). Точно так же суффиксальное кодирование посессивности встречается существенно чаще префиксального.

¹⁸ То есть такой стул, который обычно бывает у маленьких девочек, а не принадлежит какой-то одной конкретной девочке.

Вершинное и вершинно-зависимостное маркирование. Если кодирование синтаксической зависимости посессора на вершине ИГ отличается от кодирования других зависимых элементов¹⁹, оно осуществляется при помощи лично-числовых показателей принадлежности. Вершина ИГ может согласовываться с посессором по лицу и числу, но никогда по классу/роду (единственное исключение – язык дау, пример (75)). Наконец, при лично-числовом согласовании посессор всегда является контролером, а обладаемое – мишенью согласования.

Согласуемый посессор. Копирование посессором падежных показателей вершины-обладаемого, очевидно, связано с нарушением локальности падежа: генитив, который должен присваиваться в пределах ИГ, либо замещается «внешним падежом» (древнеармянский, корейский), либо совмещается с ним (древнегрузинский, австралийские языки). Напротив, чисто локальным явлением, распространяющимся «внутри» именной группы, является согласование посессора с вершиной по роду/классу и числу. Примечательно, что нам не встретилось языка, в котором обладаемое выражало бы лично-числовые характеристики посессора, а посессор, в свою очередь, копировал бы падеж, число, род/класс обладаемого (единственным исключением здесь является язык масаи, в котором, впрочем, все указанные грамматические характеристики кодируются клитически, см. (57)).

Отмечены также редкие случаи временной атрибуции посессивных отношений (хикскарьяна (76), сомали (77)).

Слабый генитив. Был выделен особый тип посессивной зависимости, который мы называли слабым генитивом. Основной отличительной особенностью таких посессивных ИГ является широкая синтаксическая дистрибуция МП, не ограничиваемая традиционной зоной посессивности. Как показано в [Гращенков 2006], посессор в языках со слабым генитивом обладает и рядом других отличительных свойств. Скорее всего, справедливым будет следующее утверждение: слабый генитив не встречается в тех языках, где вершина посессивной конструкции оформлена лично-числовыми показателями.

Порядок слов. Наиболее важное наблюдение состоит в следующем: практически не встречается случаев изменения расположения посессора относительно вершины при смене стратегии кодирования. То есть язык, располагающий несколькими способами маркирования посессивных отношений, будет последовательно использовать пре- либо постпозицию для всех конструкций.

Изменения базового расположения вершины и зависимого в языке, впрочем, могут допускаться одними конструкциями и быть запрещенными в случае других (язык оне, пример (84)).

Возможность использования небазового порядка слов в некоторой конструкции некоторого языка может быть связана со снятием запрета на сочетаемость посессора с артиклем или определенным местоимением, с (не)отчуждаемостью, коммуникативной структурой ИГ, референтностью посессора и т.д.

Единственное известное нам исключение из сформулированной закономерности – германские языки, где конструкции с падежным препозитивным 's-генитивом (*my elder brother's book*) синонимичны конструкциям с предложным постпозитивным *of*-генитивом (*the book of my elder brother*)²⁰.

Отметим, что данное обобщение касается только посессоров, выраженных полными ИГ. Различие в порядке слов местоименного и лексического посессора – чрезвычайно распространенное явление, ср. любой из европейских языков.

Варьирование дистантности/контактности обычно мотивировано типом конструкции и распространенностью составляющей.

¹⁹ Напомним, что таких случаев подавляющее большинство (примером альтернативной стратегии являются иранские языки).

²⁰ В качестве другого исключения можно также привести пример маргинальных конструкций в славянских языках типа русского *дяди Петина машина*.

Корреляции порядка слов в посессивной конструкции с порядком следования других элементов предложения

Интересные наблюдения могут быть сделаны также при рассмотрении типологии порядка слов, начатом в знаменитой работе Джона Гринберга [Greenberg 1963] и продолженной впоследствии другими исследователями. Так, один из ведущих специалистов в области типологии порядка слов, Джон Хокинз в своей работе [Hawkins 1983] исследует корреляцию основных параметров порядка слов приблизительно для 350 языков. В случае абсолютной препозиции глагола (всего 53 языка) препозиция посессора встречается лишь однажды. В SOV языках (всего 174) посессор бывает в препозиции в 103 случаях. При порядке слов SVO (109 языков) постпозиция посессора встречается 73 раза, препозиция – 36.

Итак, в случае постпозитивного расположения подлежащего и прямого объекта посессор всегда располагается в постпозиции; в случае препозиции обоих главных участников посессор бывает постпозитивным примерно в 60% случаев; если подлежащее предшествует глаголу, а объект следует за ним, две трети языков располагают посессор в постпозиции.

Из приведенных Хокинзом данных можно заключить, что в случае препозиции глагола наблюдается корреляция между расположением посессора в ИГ и подлежащего/прямого объекта в простой предикации. В других случаях утверждать, что позиция какого-то одного из двух главных актантов коррелирует с позицией посессора, достаточно сложно. Скорее можно говорить о склонности посессивных ИГ к правостороннему расположению относительно вершины²¹.

Примечательно при этом, что выборке Хокинза нет ни одного SOV-NGen-AdjN языка, то есть случая, при котором расположение посессора не соответствовало бы расположению подлежащего или прямого объекта относительно глагола либо прилагательного относительно вершины ИГ. Таким образом, можно предположить, что в некотором случайно взятом языке позиция посессора относительно именной вершины будет повторять либо расположение подлежащего/прямого объекта относительно глагола, либо расположение прилагательного по отношению к вершинному имени.

Другая известная корреляция связана с наличием в языке предлогов или послелогов. Лишь в 11 языках с послелогом зафиксирована постпозиция посессора, остальные 177 языков располагают посессор препозитивно. Среди предложных языков 14 имеют препозитивный посессор, а 134 – постпозитивный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аврорин 2000 – В.А. Аврорин. Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб., 2000.
 Алиева 1998 – Н.Ф. Алиева. Типологические аспекты индонезийской грамматики. Аналитизм и синтетизм. Посессивность. М., 1998.
 Апресян 1974 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.
 Аракин 1973 – В.Д. Аракин. Самоанский язык. М., 1973.
 Бондарко 1996 – А.В. Бондарко. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.
 Вольф 1974 – Е.М. Вольф. Грамматика и семантика местоимений. М., 1974.
 Вольф 1987 – Е.М. Вольф (ред.). Функциональная семантика и проблемы синтаксиса. М., 1987.
 Гращенков 2006 – П.В. Гращенков. Синтаксис и типология генитивной группы. Дис. ... канд. филол. наук. МГУ, М., 2006.

²¹ Стремление тяжелых актантов к постпозиции относительно вершины – достаточно известный факт, исчерпывающее объяснение которому дал сам Хокинз, см. [Hawkins 1990].

- Журинская 1977 – М.А. Журинская. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категории бытия и обладания. М., 1977.
- Иванов 1989 – В.В. Иванов (ред.). Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.
- Кибрик 2000 – А.Е. Кибрик. Внешний посессор как результат расщепления валентностей // Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин (ред.). Слово в тексте и словаре. Сб. статей к семидесятилетию Ю.Д. Апресяна. М., 2000.
- Кибрик 2001 – А.Е. Кибрик (ред.). Багвалинский Язык. Грамматика. Тексты. Словари. М., 2001.
- Кибрик, Тестелец 1999 – А.Е. Кибрик, Я.Г. Тестелец (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.
- Липеровский 1997 – В.П. Липеровский. Очерки грамматики современного авадхи. М., 1997.
- Мазо 1978 – В.Д. Мазо. Группа существительного в бирманском языке. М., 1978.
- Маслов 2005 – Ю.С. Маслов. Болгарский язык // А.М. Молдован и др. (ред.). Языки мира: славянские языки. М., 2005.
- Мельчук 1998 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. II (Часть вторая: Морфологические значения). Москва; Вена, 1998.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 2004.
- Селиверстова 2004 – О.Н. Селиверстова. Труды по семантике. М., 2004.
- Титов 1991 – Е.Г. Титов. Грамматика амхарского языка. М., 1991.
- Топорова 1994 – И.Н. Топорова. Грамматика языка лингала. М., 1994.
- Успенский 2004 – Б.А. Успенский. Часть и целое в русской грамматике. М., 2004.
- Чернышев 1965 – В.А. Чернышев. Синтаксис простого предложения в хинди. М., 1965.
- Чинчлей 1990 – К.Г. Чинчлей. Типология категории посессивности. Кишинев, 1990.
- Щеглов 1970 – Ю.В. Щеглов. Очерк грамматики языка хауса. М., 1970.
- Яковлева 1963 – В.К. Яковлева. Язык Йоруба. М., 1963.
- Aikhenvald 2000 – A.Y. Aikhenvald. Classifiers. A typology of noun categorization devices. New York, 2000.
- Bhattacharya 1998 – T. Bhattacharya. DP-Internal NP Movement // UCL working papers. 1998. 10.
- Broadwell 2001 – G.A. Broadwell. Optimal order and pied-piping in San Dionisio Zapotec // P. Sells (ed.). Formal and empirical issues in optimality theory. Stanford, 2001.
- Buckley 1989 – E. Buckley. The Alsea noun phrase // Kansas working paper in linguistics: Studies in native American languages. V. 14. 1989. № 2.
- Dahl, Koptjevskaja-Tamm 1998 – O. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm. Alienability splits and the grammaticalization of possessive constructions // Papers from the XVIth Scandinavian conference of linguistics. Turku, 1998.
- Danon 1996 – G. Danon. The syntax of determiners in Hebrew. PhD thesis. Tel-Aviv, 1996.
- Dench, Evans 1988 – A.C. Dench, N. Evans. Multiple case-marking in Australian languages // Australian journal of linguistics. 1988. 8.
- Dobrovie-Sorin 2000 – C. Dobrovie-Sorin. Génitifs et déterminant // G. Kleiber, B. Laca, L. Tasmowski (eds.). Typologie des groupes nominaux. Rennes, 2000.
- Donohue 2000 – M. Donohue. One phrase structure // Proceedings of ALS2k, Conference of the Australian linguistic society. 2000.
- Fox 1981 – B. Fox. Body part syntax: towards a universal characterization // Studies in language. 1981. 5 (3).
- Greenberg 1963 – J.H. Greenberg. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // J.H. Greenberg (ed.). Universals of language, Cambridge, 1963.
- Harris 2002 – A.C. Harris. Origins of apparent violations of the 'no phrase' constraint in modern Georgian // Linguistic discovery. 2002. I/2.
- Hawkins 1983 – J.A. Hawkins. Word order universals. New York, 1983.
- Heine 1997 – B. Heine. Possession. Cognitive sources, forces, and grammaticalization. Cambridge, 1997.
- Iordanskaja, Mel'čuk 1995 – L.N. Iordanskaja, I.A. Mel'čuk. Glaza Maši golubye vs. Glaza u Maši golubye: Choosing between two Russians constructions in the domain of body parts // И.А. Мельчук. Русский Язык в Модели Смысл-Текст. М., 1995.
- Keenan, Ralalaoherivony 2000 – E.L. Keenan, B. Ralalaoherivony. Raising from NP in Malagasy // Lingvisticae investigationes. 2000. 23.

- Kolliakou 1998 – *D. Kolliakou*. A composition approach to modern Greek «week form» possessives // G. Webelhuth, J.-P. Koenig, A. Katol (eds.). *Lexical and constructional aspects of Linguistic explanation*. Stanford, 1998.
- Koopman 2005 – *H. Koopman*. On the parallelism of DPs and clauses: Evidence from Kisongo Maa-sai // *Verb first*. Amsterdam, 2005.
- Koptjevskaja-Tamm 2000 – *M. Koptjevskaja-Tamm*. Romani genitives in the typological perspective // Y. Matras, V. Elšík (eds.). *Grammatical relations in Romani: The noun phrase*. Amsterdam, 2000.
- Koptjevskaja-Tamm, Bernhard 2001 – *M. Koptjevskaja-Tamm, W. Bernhard*. The Circum-Baltic languages: An areal-typological approach // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). *The Circum-Baltic languages: Typology and contacts*. Amsterdam, 2001.
- Koptjevskaja-Tamm 2001 – *M. Koptjevskaja-Tamm*. Adnominal possession // M. Haspelmath, E. König (eds.). *Language typology and language universals*. Berlin, 2001.
- Koptjevskaja-Tamm 2003a – *M. Koptjevskaja-Tamm*. Possessive noun phrases in the languages of Europe // F. Plank (ed.). *Noun phrase structure in the languages of Europe*. Berlin, 2003.
- Koptjevskaja-Tamm 2003b – *M. Koptjevskaja-Tamm*. «A woman of sin», «a man of duty» and «a hell of a mess»: non-determiner genitives in Swedish // *The noun phrase in the European languages*. Berlin, 2003.
- Koptjevskaja-Tamm 2005 – *M. Koptjevskaja-Tamm*. Maria's ring of gold: adnominal possession and non-anchoring relations in the European languages // Ji-yung Kim, Yu.A. Lander, B.H. Partee (eds.). *Possessives and beyond: Semantics and syntax*. Amherst, 2005.
- Lecarme 2004 – *J. Lecarme*. Tense in nominals // J. Guéron, J. Lecarme (eds.). *The syntax of time*. Cambridge, 2004.
- Lehman 2003 – *Chr. Lehman*. Possession in Yucatec Maya // *Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft der Universität Erfurt*. 10. Erfurt, 2003.
- Loos 1969 – *E.E. Loos*. The phonology of Capanahua and its grammatical basis. Norman, 1969.
- Malchukov 2000 – *A.L. Malchukov*. Dependency reversal in noun-attribute constructions: Towards a typology. München, 2000.
- Malouf 2000 – *R. Malouf*. A head-driven account of long-distance case assignment // *A collection of papers on head-driven phrase structure grammar*. Stanford, 2000.
- Nikolaeva forthc. – *I. Nikolaeva*. The structure of the Tundra Nenets noun phrase // M. Bakro-Nagy, K. Redei (ed.). *Honti Festschrift*. Budapest (rot. к печ.).
- Ntelitheos 2004 – *D. Ntelitheos*. Syntax of elliptical and discontinuous nominals // A thesis submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of master of arts in linguistics. Los Angeles, 2004.
- Paducheva 2004 – *E.V. Paducheva*. Splitting of possessor NPs and external possessor in Russian // Ji-yung Kim, Yu.A. Lander, B.H. Partee (eds.). *Possessives and beyond: Semantics and syntax*, Amherst, 2004.
- Plank 1992 – *F. Plank*. Possessives and the distinction between determiners and modifiers // *Journal of linguistics*. 1992. 28.
- Plank 1995 – *F. Plank* (Re-)Introducing Suffixaufnahme // F. Plank (ed.). *Double case. Agreement by Suffixaufnahme*. New York; Oxford, 1995.
- Seiler 1983 – *H. Seiler*. Possessivity, subject and object // *Studies in language*. 7 (1). Amsterdam, 1983.
- Shlonsky 2004 – *U. Shlonsky*. The form of Semitic noun phrases // *Lingua*. 2004. 114.
- Strunk 2003 – *J. Strunk*. The structure of the Kurdish noun phrase. www.linguistics.ruhr-uni-bochum.de/~strunk/KurdishNounPhrase.pdf
- Toivonen 2000 – *I. Toivonen*. The morphosyntax of Finnish possessives // *Natural language and linguistic theory*. 18. Dordrecht, 2000.
- Trechsel 2000 – *F.R. Trechsel*. A CCG account of Tzotzil Pied-Piping // *Natural language and linguistic theory*. 18. Dordrecht, 2000.
- Ullian 1978 – *R. Ullian*. Towards a typology of substantival possession // J. Greenberg et al. (eds.). *Universals of human language*. 4: Syntax. Stanford, 1978.